

Рецензии

Хафизова К. Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты). Астана: Ғылым баспасы, 2015. 416 с.

Международная Тюркская академия (г. Астана) в 2015 г. издала серию книг по тюркологии, две из которых принадлежат перу ведущего казахстанского китаеведа Клары Шайсултановны Хафизовой.

Книга К.Ш. Хафизовой «Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты)» посвящена изучению истории взаимоотношений Китая и Центральной Азии, которые рассматриваются сквозь призму трех ключевых понятий — «Шелковый путь», «диалог» и «цивилизация». Идея Шелкового пути как торговой магистрали древности, связывавшей Китай со странами Европы через Центральную Азию, была впервые озвучена немецким ученым Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 г. в книге «Китай». С тех пор концепция Шелкового пути стала своеобразным методологическим подходом в изучении истории и культуры Центральной Азии, о чем свидетельствует появление обширной научной литературы, рассматривающей те или иные аспекты функционирования Великого Шелкового пути и его роли в экономических, политических и культурных отношениях между народами и странами. Необходимо отметить, что в последние десятилетия научная идея Шелкового пути приобрела политическое значение, став символом тесных торгово-экономических отношений между современными государствами в этом же географическом пространстве — от Китая до Европы. Активно идею Шелкового пути использует руководство КНР для продвижения своих экономических и политических проектов, включая проект «Один пояс, один путь».

В исследовании К.Ш. Хафизовой Шелковый путь символизирует мирное сосуществование Китая и Центральной Азии и представляет некое пространство, в котором общались народы и взаимодействовали культуры. Ключевыми понятиями, характеризующими это взаимодействие, являются понятия «цивилизация» и «диалог». Автор рассматри-

вает Китай и Центральную Азию как две цивилизации, причем под последней понимает в основном культуру кочевых народов. Относительно цивилизационного подхода к анализу исторических процессов нужно отметить, что он был довольно популярным у историков постсоветского пространства в первые годы после распада СССР, когда, отказавшись от марксистской идеологии, они искали новые методологические подходы. Сразу отметим, что понятие «цивилизация» очень многозначно и не имеет единого определения, а представление о центрально-азиатской цивилизации как о культуре только кочевников не отражает специфики всего региона Центральной Азии, в которой на всем протяжении истории очень важной, а зачастую преобладающей, была иранская культура. Именно взаимодействием оседлого и кочевого населения, ираноязычных и тюркских народов определялись исторические процессы в регионе.

Взаимодействие Китая с кочевыми народами Центральной Азии представлено в книге К.Ш. Хафизовой как «диалог», который предполагает отношения равных между собой «собеседников». В таком подходе можно видеть своеобразную деконструкцию традиционных китаецентрических представлений о мироздании и мировом порядке, согласно которым Вселенная состояла из двух неравных частей — цивилизованного Среднего государства (*жит. Чжунго*) и всей остальной периферии, населенной дикими варварами. Такое представление исключало возможность диалога между Китаем и другими странами, а предполагало строгую иерархию во взаимоотношениях между Поднебесной и остальной частью мира. Китаецентрическая модель мироустройства являлась концептуальной основой имперского Китая, о каком бы периоде его истории ни шла речь. Поднебесная империя, находившаяся в центре мироздания, управлялась императором, который был наделен благой силой *дэ*¹. С помощью этой силы он

устанавливал угодный Небу порядок в мире: все «варвары» четырех сторон света находились в подчинении китайского императора, наделенного мандатом на мировое управление самим Небом, а потому представлявшегося как «Сын Неба» (*кит.* тянь-цзы). Миссией императора было оказание преобразующего влияния на «варваров», которые должны были быть цивилизованы под благотворным влиянием китайской культуры. Неслучайно в отношении народов Центральной Азии в китайских исторических сочинениях применялись разные варианты слова «варвар» (*ди, цян, жун, ху* и др.), которые не могли претендовать на равный с Поднебесной империей статус.

Заслугой К.Ш. Хафизовой является то, что она собрала и проанализировала большое количество фактов из письменных источников, прежде всего китайских, и смогла показать, что, несмотря на существование китаецентрических интерпретаций взаимоотношений Китая с народами Центральной Азии, последние являлись самостоятельными и важными историческими акторами, вступавшими в диалог с китайской цивилизацией. Исторические сюжеты, раскрывающие суть диалога или «беседы» между Китаем и Центральной Азии, рассматриваются в семи главах книги, о содержании которых можно судить по их названиям: «Традиционная философия и внешняя политика Китая», «Династия Чжоу и Центральная Азии в диалоге цивилизаций», «Кони и Великий шелковый путь», «Кочевой мир в танской поэзии», «Диалог цивилизаций империи Тимура, городов и Великой степи с Восточной Азией в XIV—XV вв.», «Дипломатический церемониал кочевников», «Диалог культур Казахской степи и Восточной Азии».

Китаецентрические представления о мироздании К.Ш. Хафизова связывает с конфуцианской философией, которой противопоставляются даосские представления о Китае и соседних народах. Она полагает, что «даосы в древности относились к представителям народов Центральной Азии не только как к равным по интеллекту и знаниям, но в чем-то признавали их превосходство» (с. 32). Вызывая даосских философов используются автором для создания своего *нарратива* о диалоге цивилизаций, который иллюстрируется примерами из истории взаимосвязей маньчжурской империи Цин (1644–1912) с казахами. Частью этого нарратива являются утверждения автора об «уважении маньчжурской династии к чингизидам» (с. 48) и о популярности в Китае «мнения о том, что кочевники по сво-

ей природе любят воевать и потому их нужно остановить лишь военной рукой» (с. 69). Обсуждение философского аспекта внешней политики Китая совершенно логично завершается в книге рассказом о том, что современные китайские реформаторы развивали свои идеи, опираясь на традиционные учения конфуцианства, даосизма и легизма.

Примечательно, что все повествование об историко-культурных связях Китая с Центральной Азией с древнейших времен, хорошо известных благодаря переводам и исследованиям русских и европейских синологов, К.Ш. Хафизовой пересматривается и осмысливается с точки зрения концепта «цивилизационного диалога», который подтверждается больше умозаключениями, чем историческими фактами. Так, говоря о том, что в эпоху правления Восточного Чжоу и Ханьской империи северные племена назывались пренебрежительными словами, означающими «варвары» (*ди, мань и сюй*), автор делает вывод, что «отсутствие пренебрежительных характеристик чужеземцев в [сочинении — А.К.] «Му тянь-цзы чжуань» свидетельствует о понимании чжоусцами цивилизации как гармоничного сосуществования народов с разными обычаями» (с. 89). В качестве другого универсального «инструмента» диалога Китая со странами и народами вдоль Шелкового пути К.Ш. Хафизова рассматривает культ лошади, который занимал значительное место в духовной и религиозной жизни китайцев и народов Центральной Азии. Уникальность этой части исследования составляет анализ сведений о роли лошади в политике Цинской империи (с. 117–132), поскольку автор является специалистом в области казахско-цинских отношений и знатоком китайских источников эпохи Цин. Здесь К.Ш. Хафизова приводит сведения о посольствах казахского хана Абулмамбета, султанов Аблая и Абулфаиза в Пекин в 1760 г., после которых была налажена поставка лошадей на рынки Синьцзяна. Торговый обмен казахских лошадей на китайский шелк иллюстрируется в книге не только данными письменных источников, но и анализом картины Дж. Кастильоне «Сто скакунов» (1743 г.), а также реконструкцией прозвищ и мастей коней, изображенных на другой картине итальянца — «Восемь скакунов» (1759 г.) (с. 125–127).

Важным периодом во взаимодействии тюркских и ираноязычных народов Центральной Азии с Китаем является эпоха Тан (618–907), которую автор совершенно логично решила осветить в отдельной главе книги. Действительно, эпоха Тан совпала с политическим мо-

гуществом государств тюрков, уйгуров и кыргызов, поддерживавших тесные экономические и военно-политические отношения с танским Китаем. Последние подробно отражены в исторических источниках и достаточно хорошо описаны в научной литературе. К.Ш. Хафизова выбрала для анализа «диалога» взаимодействие в культурной жизни, а точнее более узкий ее аспект — отражение кочевого мира в поэзии танской эпохи, которая по праву считается вершиной в развитии китайской поэзии. Она обращается к творчеству таких танских поэтов, как Бой Цзюйи (772–846), Лю Яньши (?–812), Цуй Хао (?–754), Чэнь Цзыан (661–702), Ду Му (803–853), танского императора Ли Шиминя (Тай-цзуна) и других авторов, которые писали в своих стихах о кочевниках и взаимоотношениях с ними (некоторые стихи даются в авторском переводе). Особый интерес представляют стихи Цэнь Шэня (715–770), написанные в жанре «бяньсай ши» («заставные пограничные песни»). Танские поэты в своих стихах затрагивали разные аспекты жизни кочевников, начиная с мирного сосуществования с китайцами на приграничных землях до военных походов и набегов в пределы Китая. Общеизвестными являются рассказы об увлечениях танских принцев кочевым образом жизни и юртой, воспетой Бо Цзюйи (с. 151–152). Обобщая тему кочевого мира в танской поэзии, К.Ш. Хафизова заключает: «Стихотворения танских поэтов рисуют в художественной форме облик просвещенного ханьца, всего китайской общества и целой эпохи, насыщенной деталями мирных и военных отношений с кочевниками. Они передают нам образы кочевников, их обычаи, нравы, кухню, одежду, верования, воинское искусство и искусство верховой езды, спортивные игры» (с. 160). Здесь следует добавить, что перу танского поэта Бо Цзюйи принадлежат также стихотворение «Дорога в горах Иньшань» (809) и «Письмо уйгурскому кагану» (808), в которых описывается торговля между танским Китаем и Уйгурским каганатом (744–840), основными предметами обмена в которой были китайский шелк и уйгурские кони. Эти эпизоды взаимоотношений между Танской империей и кочевниками, как и многие эпизоды из истории Уйгурского каганата, к сожалению, не упоминаются в книге К.Ш. Хафизовой, несмотря на то, что они изучались казахстанскими историками².

Еще одной темой, которая рассматривается в контексте «цивилизационного диалога», являются дипломатические отношения Тимура и тимуридов с китайской династией Мин в XIV—XV веках. К.Ш. Хафизова была в свое

время первым советским синологом, обратившимся к анализу писем Тимура ко двору китайского императора³. Внешняя политика минской династии, пришедшей к власти в 1368 г. в результате свержения монгольской династии Юань, и внешнеполитическая риторика, звучащая в китайских исторических сочинениях минской эпохи, представляют большой интерес для научного анализа, в связи с тем, что они были адаптированы к неблагоприятным для Поднебесной реалиям. В силу геополитических условий Минская династия была вынуждена отказаться от агрессивной политики и позиционировала себя как сторонница мирного сосуществования с соседними странами. Это соответствовало главному принципу, гласившему: «когда народ может наслаждаться спокойствием и стабильностью, то общество будет процветать» (*кит. жэнь ань юй шэн е*). К.Ш. Хафизовой удалось вписать немногие свидетельства китайских источников о посольских отношениях между государством Тимура и тимуридов и Минской династией в повествование о военно-политических событиях в империи Тимура и его завоевательных походах на соседние страны. Это повествование включает рассказ о самом Тимуре, его преемнике Шахрухе, правителе Туркестана Шайхе Нуриддине, великом Улугбеке, о тюрко-монгольском характере государства Тимура, обычаях и традициях, царивших в его владениях, подготовке военного похода против Китая, обмене посланниками между двумя странами. Ценными являются таблица со сведениями о приемах посольств Тимура и тимуридов в Минской империи (с. 205–211), данные о действительных и самоназванных послах Тимура и его потомков в Китай (с. 212–214), а также анализ писем минских императоров Шахруху и Улугбеку (с. 215–216). История дипломатических отношений Тимура с минским Китаем свидетельствует не столько о «цивилизационном диалоге», сколько о противостоянии двух отдаленных друг от друга огромным расстоянием империй. В отличие от Тимура, чьи отношения с Китаем едва ли соответствуют представлениям о «диалоге цивилизаций между Центральной и Восточной Азией», как отмечает К.Ш. Хафизова, началом такого диалога стала политика его потомков — тимуридов (с. 191).

При изучении истории и культуры кочевых народов Центральной Азии исследователь неизменно сталкивается со скудостью свидетельств, оставленных самими этими народами, которые бы давали не только детальные сведения об их обществах, но и взгляд изнутри.

Это в полной мере относится к вопросу о дипломатическом церемониале кочевников, который поднимает в своей книге К.Ш. Хафизова. На основе анализа русских и китайских сведений о посольских отношениях казахов и джунгар с Российской и Цинской империями, автор восстанавливает дипломатический этикет, который соблюдали в государствах кочевников. Читатель узнает о том, как на практике осуществлялась отправка посольства в соседние страны и прием иноземных посланников в ханской ставке, о правилах гостеприимства у кочевников и организации аудиенции у верховного правителя. В связи с тем, что своды правил, формировавших обычное право в кочевом обществе, такие как «Яса» Чингиз-хана, уложения эмира Тимура, казахские «Жеты жаргы» и другие, не сохранились в письменном виде, большой интерес представляет предлагаемый автором подбор информации о международном праве, извлеченный из монгол-ойратского уложения 1640 г. «Их цааз» («Великое уложение») (с. 249–151).

При обсуждении дипломатической практики цинского Китая едва ли можно избежать вопроса о характере «данических отношений»: согласно концепции мироустройственной функции китайского императора, порядок во Вселенной обеспечивался тем, что все народы должны были регулярно присылать своих посланников к китайскому императору с подношениями дани в виде местных продуктов (*кит.* гун). Император в ответ одаривал послов подношениями, а при необходимости и высокими титулами. Любые приезды послов регистрировались китайскими историографами как подношение дани императору, даже если речь шла не о дипломатическом посольстве, а торговом. Так называемые «данические» отношения хорошо показаны исследователями на примере взаимоотношений многих народов Центральной Азии с Китаем, в том числе древних тюрок и уйгуров. Рассмотрев такую практику применительно к взаимоотношениям казахских ханов с Цинской империей, К.Ш. Хафизова отмечает, что казахские ханы и султаны, отправляя торговые караваны в синьцзянские города Урумчи, Кульджу и Тарбагатай, передавали также подарки для императора, губернаторов или высокопоставленных чиновников. Эти подношения назывались «болек» (от *тюрк.* «бермек» — подношения) и были своеобразной «пошлиной за ввозимый в Синьцзян товар», однако китайские летописцы регистрировали их как подношения «дани» императору (с. 247–248). Ярким примером подношения подарка, который был

классифицирован цинскими историографами как «дань», является дар казахского султана Аблая: зимой 1763 г. он направил Илийскому генерал-губернатору Илату в качестве «болек» шесть коней (аргамаков) (с. 247).

Дипломатический этикет отражал духовную жизнь кочевого общества, большое место в которой занимала религия, поэтому часто в состав посольств включались религиозные деятели — буддийские ламы или мусульманские муллы. Так, джунгарские ханы часто назначали главами посольств мусульманина (*хотона*), в то время, как мусульманские народы включали в состав посланников представителей джунгар. Примером последнего является посольство Аблая в Санкт-Петербург во главе с его сыном Султанмухамедом Урус султаном, которого сопровождал шурин Аблая, имевший ойратское (джунгарское) происхождение (с. 251). Вопросу религиозной практики джунгарских ханов посвящен в рецензируемой книге отдельный раздел, в котором анализируются отношения джунгаров к исламу, доминирующей религии в оазисах Восточного Туркестана, и ламаизму — религии Тибета. Исторические факты свидетельствуют, что правитель Джунгарии Цеван-Рабдан способствовал укреплению ламаизма на контролируемых им территориях, но вместе с тем пытался не допустить политического влияния Тибета и далай-ламы.

Полезной является предлагаемая автором систематизация данных о посольствах, которыми обменивались казахские и джунгарские правители, цинский двор, Российская империя и среднеазиатские ханства (с. 266–317). Таблица показывает, что «казахи постепенно втягивались в сложную дипломатическую игру, где главными фигурантами вначале были — кочевая империя джунгар и Россия» (с. 318).

В последней части книги рассматривается взаимодействие и взаимовлияние китайской культуры и культуры народов Центральной Азии на примере общности числовой символики, знакомства представителей казахской элиты с китайской культурой и языком, деятельности переводчиков китайского и маньчжурского языков, отношения казахов к буддизму (ламаизму). Общность некоторых обычаев и традиций у казахов и маньчжуров автор объясняет ведением кочевого хозяйства. Среди этих обычаев — ношение длинного пучка волос на голове, который бытовал у джунгар, маньчжуров и казахов. В XVIII—XIX веках в некоторых казахских родах одну косичку называли «айдар», а две косички — «тулам». К.Ш. Хафизова пола-

гает, что в более позднее время обычай оставлять пучок волос на голове у ребенка приобрел у казахов религиозное значение (с. 350). В цинское время ношение мужчинами косичек приобрело, как она считает, политическое значение, особенно в дипломатической практике. Косичка на темени казахского царевича, прибывавшего ко двору императора, «должна была олицетворять лояльность цинскому правительству его самого, его отца и всех его родов и племен, которыми правил его отец» (с. 352).

Использование китайских предметов быта в кочевом обществе рассматривается К.Ш. Хафизовой как проявление цивилизационного диалога. В этом контексте она рассматривает популярность в казахском обществе вещей, произведенных в Китае. Это — китайские ткани (включая шелк), предметы роскоши, фарфоровые изделия, продукты питания, главными из которых были рис и чай, украшения и драгоценные камни и другие. Пользовалась популярностью у казахов и китайская медицина.

Вопросы взаимодействия китайской и центрально-азиатской цивилизаций иллюстрируются К.Ш. Хафизовой конкретными историческими данными письменных источников. Такое сочетание макроисторической темы и конкретно-исторического материала, свойственного микроисторическому подходу, неизбежно должно было привести к ошибкам при упоминании тех или иных событий и эпизодов. Так, на с. 134 автор утверждает: «указанные районы входили в территорию тюркских и тюркешских каганатов». Из этой формулировки следует, что существовал не один, а несколько тюркешских каганатов, что не соответствует истине. В другом случае дается перечисление племен «кидань, туфань, туба (тибетцы)» (с. 135), в котором на самом деле «туфань» является китайским обозначением Тибета и тибетцев, а «туба» (должно быть: «тоба») является названием правящего клана тангутских племен (*кит.* дансян)⁴. Приводимая автором интерпретация имени тюркского сановника Тоньюкука как «голубая шуба», скорее всего, является народной этимологией. Научная интерпретация имени давалась многими известными тюркологами. Эти интерпретации были обобщены известным российским тюркологом С.Г. Кляшторным, который считал наиболее обоснованным перевод имени «Тоньюкук», предложенный в свое время турецким филологом Али Ульви Эльёве как «первый вельможа»⁵. Такого рода фактологические ошибки, встречающиеся в рецензируемой книге, ограничим еще одним утверждением автора: «В промежутке между этими событиями

в 727 году к танскому императорскому двору прибыло первое посольство Уйгурского каганата» (с. 142). Указанный год не соответствует времени существования Уйгурского каганата (744–840 гг.)

Переходя от фактологических замечаний к замечаниям теоретического характера, отметим, что деконструируя китаецентрические представления о мироздании и характере отношения Китая с народами Центральной Азии, К.Ш. Хафизова создает новый *нарратив* о диалоге цивилизаций. Увлечение концептом «диалога» эссенциализирует (генерализирует) одну из сторон взаимоотношений Китая с соседними странами — мир и взаимодействие культур, которые, несомненно, имели место, но не были константой отношений Среднего государства с внешним миром. Это создает идиллическую картину диалога, существовавшего между Китаем и народами Центральной Азии. Здесь нельзя не вспомнить мнение современного британского историка Александра Моррисона, который считает, что такие клише, как «Шелковый путь» и «Большая игра» искажают историческую действительность⁶.

Заключая рецензию на книгу К.Ш. Хафизовой, хочется сказать несколько слов о незаурядной личности самого исследователя. Клара Шайсултановна является выпускницей китайского отделения Восточного факультета Ташкентского государственного университета. Она обучалась в аспирантуре в Институте востоковедения в Москве, в 1962–1963 гг. прошла языковую практику в Китае и всю профессиональную жизнь посвятила изучению цинских источников по истории казахов и казахско-цинских дипломатических отношений. Крупным научным событием стал в свое время выход в свет ее монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.)»⁷. Ею проделана большая работа по переводу и публикации цинских исторических материалов по истории казахов и Центральной Азии. Так, в 1989 г. К.Ш. Хафизова совместно с В.А. Моисеевым издала двухтомный сборник документов и материалов по истории отношений казахов с Цинским Китаем под названием «Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в.»⁸ Наконец, К.Ш. Хафизова является одним из главных авторов изданного в 2015 г. Тюркской академией сборника документов и материалов «Восточная дипломатия на стыке цивилизации (конец XIV — 70 годы XIX вв.)»⁹

Как и предыдущие исследования, книга К.Ш. Хафизовой «Диалог цивилизаций на

Шелковом пути (исторические сюжеты)» является серьезным вкладом в историческую науку и будет полезной не только ученым, занимаю-

щимся историей и культурой казахов, Центральной Азии и Китая, но и более широкому кругу читателей.

© 2018

*А.К. Камалов,
доктор исторических наук
(Алматы, Казахстан)*

1. *Мартынов А.С.* Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971. Москва: Наука, 1974. С. 341–387.
2. *Камалов А.К.* О торговле Уйгурского каганата с Танским Китаем // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 2000. № 5 (229). С. 16–25.
3. *Хафизова К.Ш.* Послание Тимура 1395 г. в Китай // Общество и государство в Китае. XX науч. конференция. Тезисы докладов. Ч. 2. М.: Наука, 1989. С. 126–129.
4. *Малаявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука СО, 1989. С. 152, 226.
5. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва: Наука, 1964. С. 30–31.
6. *Morrison A.* Central Asia's Catechism of Cliché: From the Great Game to Silk Road. 21 July 2017. URL: <http://www.eurasianet.org/node/84491>.
7. *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995.
8. *Хафизова К.Ш.* Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в.: В 2 ч. Алматы: Наука, 1989.
9. Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV—70 годы XIX вв.). Сб. документов и материалов. Астана: «Гылым» баспасы, 2015.